

7 мая 1870 г., начинает работать и богадельня братьев Михаила и Павла Малютиных. Надо отметить, что оба заведения функционировали за счет частных капиталов и внесли свой немаловажный вклад в развитие механизма социальной опеки. По условиям содержания призреваемых оба заведения превосходили существовавшую с 1793 г. Пятницкую богадельню, учрежденную городским обществом, первое время содержавшуюся на городские средства, а в 1837 г. перешедшую в ведение купеческого общества [3, оп. 6. д. 2074. л. 9.] и долгое время остававшуюся единственным городским заведением подобного рода. Стоит отметить, что по количеству предоставляемых мест для призреваемых Пестриковская богадельня значительно уступала Пятницкой и Малютинской. Богадельня Малютиных была сопоставима с Пятницкой и даже превосходила оную как по количеству мест для призреваемых, так и по условиям их содержания. Отдельного внимания и рассмотрения заслуживают детский приют и учебные заведения так же финансируемые за счет капиталов Малютинского банка.

Итак, пореформенный период стал ключевым в истории решения вопросов социальной помощи – общественного призрения в Российской Империи. Именно в этот период часть обязанностей по надзору в социальной сфере переходила в ведение самих подданных Российской Империи путем частичной передачи механизмов осуществления поддержки нуждавшихся земствам и благотворителям. Не исключением стала и Калужская губерния, где большая часть работы по созданию условий для решения социального вопроса легла на плечи благотворителей и частных капиталов. В то же время все вышеозначенное находилось в рамках общегосударственного надзора и социальной поддержки нуждавшихся слоев населения.

Библиографический список

1. К 100-летию Хлюстинских заведений. 1800-1909 г. Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1909.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32.

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ВОЙНА ИЛИ СЕМЕЙНАЯ ССОРА: СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН-ОБЩИННИКОВ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРОВЕДЕНИЮ МЕРОПРИЯТИЙ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Проведение Столыпинской аграрной реформы встретило заметное сопротивление со стороны крестьян-общинников. При этом, Казанская губерния, не являвшаяся центром проведения реформ [6,с.74], оказалась в

числе лидеров по числу крестьянских протестов [6, с.73]. В советской историографии это позиционировалось как противодействие крестьянства (утвержденного большевиками на роль если не союзника, то — во всяком случае — попутчика пролетариата) политике царизма, приобретавшее в начале XX века форму социальной войны в деревне [4]. Ассоциирование хуторян с кулаками-мироедами в логике этой презентации указывало на вызревание уже «второй социальной войны» [5, с.94-98].

По мнению советских исследователей, в том числе и С.М. Дубровского, в 1910 году было наибольшее число выступлений, при этом, их удельный вес в сравнении с 1905-1907 годами составлял соответственно 28,8% и 68,8%. Причиной такой значимой разницы являются новые формы непосредственно крестьянского движения после начала проведения Столыпинской аграрной реформы, которые были вызваны новыми явлениями [7, с.273]. Однако данное сравнение некорректно, поскольку реализация реформы в Казанской губернии началась только в 1910 году, следовательно, ранее не могло быть выступлений против ее проведения.

Однако выступления все-таки были, что показывает анализ архивных материалов (ГАРТ, Ф.199), в первую очередь, отчеты жандармов и пунктов унтер-офицеров.

Но также стоит отметить и содействие определенной части крестьянства проводимой государством политики, особенно, если это было им выгодно. В частности, речь идет о программе переселения за Урал. Предоставляемые правительством условия были очень заманчивыми: освобождение от налогов на долгий период времени, предоставление земли, определенной суммы, выдача по низкой цене новых сельхозорудий и само переселение за казенный счет. Неудивительно, что довольно большое количество семей изъявили желание перебраться на новые земли.

Однако правительство не предусмотрело всех проблем, которые возникли в ходе реализации программы переселения, и многие люди были вынуждены вернуться на европейскую территорию Российской империи, оставшись без всего, что не прибавило правительству симпатии в глазах простого народа. А проводимая политика в отношении земли (выделение отрубов, хуторов) еще больше накалила отношения между ними.

Начались выступления среди крестьянства, направленные, преимущественно, против нового землеустройства на условиях правительства, которые были, с точки зрения крестьян, несправедливыми, противоречили привычным традициям.

Свой протест относительно урезания общинного пахотного клина крестьяне выражали обычно мирным способом: чаще всего общества просто отказывались санкционировать выход из общины (в среднем по России число отказов составило около 68% [3, с.581]). В этом случае стремившиеся на хутора селяне писали жалобы на имя царя [1, оп. 1, д. 227, л. 17-25; 2, оп. 1, д. 4298, л. 3- 46], что иногда давало положительный результат, и об-

шина уступала. Но вышедшие из общины люди исключались из деревенской жизни: не допускались на сходы, к общественным работам, которые оплачивали земства и т.п. Кроме того, деревенские жители всячески препятствовали развитию личного хозяйства выделившихся одножителей: не пускали их скот на общинные пастбища, сжигали посевы, громили хозяйственные постройки и т.п. Примечательно, что для введения в действие общинных санкций решающее значение имел не факт выделения, а высказанное намерение. Крестьяне стремились воспрепятствовать изъятию пахотной земли из общинного фонда, однако если «столыпинские сажены» укреплялись на своих отрубках, сопротивление общества угасало. За 1907–1911 гг. было подано 2,6 млн ходатайств, а период 1912–1915 гг. – 3,5 млн., т.е. на 34,5% больше.

В конечном итоге только около трети самостоятельных хозяйств смогли стать на ноги и развиваться дальше, и неудивительно, что крестьяне в своих неудачах часто винили правительство.

Столыпинская реформа стала своего рода индикатором, который определил для крестьян невозможность и дальше существовать в том угнетенном положении, которое продолжалось на протяжении последних трех веков. Начало XX века стало пределом для народа, уставшего верить в доброго батюшку-царя и прощавшего все издевательства со стороны правительства и дворянства, и он попытался донести в привычной ему манере свои претензии, но безуспешно.

Поэтому будет правильно сказать, что крестьянское движение начала XX века, несмотря на драматические коллизии разрушения правительством морально-экономических практик, не носило антисистемного или антиправительственного характера. Скорее можно говорить о том, что крестьяне все еще пытались наладить диалог с властью, которая последовательно и целенаправленно стремилась от этой дискуссии уклониться.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 199.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 23.
3. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 599 с.
4. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд. полит. лит., 1938 с.
5. Ленин В.И. Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т.9. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1960. 579 с.
6. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
7. Першин П.Н. Аграрная революция в России. От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 576 с.

М.В. Мухина